кой Влад Бурковский, давний приятель Петрова. – Рязанская область. Рыбновский район, часа три ехать, не больше. Рыбновский район... тарабарщина... Всё, собираемся! – потеряла терпение жена Петрова Людмила. – Скисли в этой Москве уже. Хоть глянем, что там за МКАДом.

- Почему ж черт знает куда, - отвечал с какой-то насмешливой улыб-

Поехать Петрова буквально заставили. Жена. дети. Бурковские. - У нас вон в Коломенском такие реконструкции постоянно, - гово-

– Я рулить не буду. - На моей поедем все вместе, - обрадовался Влад; у него для загорода была восьмиместная «Тойота»... Всю пятницу Петровы собирались, нервно и сумбурно как люди, от-

выкшие от дальних поездок. Сын, Никита, то и дело спускался в «Дикси» – за водой, за чипсами, за влажными салфетками.

- Мам, купальник брать? - спрашивала из своей комнаты дочка.

Какой купальник... – ворчал Петров. – Где там купаться...

Он не принимал участие в суете, сидел за компьютером, читал о том

месте, куда завтра утром им предстояло отправиться, о событии, оказавшемся поводом для поездки... «Многие ордынцы утонули в реке Воже», – как раз попалось на глаза. Петров хмыкнул:

– А в Воже и покупаемся как раз. Набрал в интернете «река Вожа», и компьютер высыпал полный

рил он. – зачем ташиться черт знает кула?

Петров сдавался постепенно:

экран фотографий с каким-то ручейком.

О господи, утонули… Стал сам с собой спорить: за шестьсот лет, конечно, река могла измениться. Может, в то время это был глубокий и широкий поток. И в нем кем – вопросы. Мнения историков расходятся... – Ну так брать или нет?! – крикнула в нетерпении дочка Даша. Блин, четырнадцатилетняя кобылица, а по каждому пустяку...

тонули, тонули бегущие на восток от русских ратников степняки... Но была ли сама битва и если была, то каких масштабов и кого с

Бери! – рявкнул Петров.

Тут же выскочила из прихожей, где чем-то шуршала уже минут двад-

цать, жена:

– Зачем купальник-то? Сейчас напихает полный рюкзак...

– В Воже покупается. Мы едем на ре-ку, – подчеркнул Петров это

слово, – в которой утонули тысячи ордынских воинов. Ужас какой… - Какой?.. Надо знать, куда собираемся ехать, - насмешливо заметил

Петров; жена нахмурилась, что предвещало ее готовность к ссоре, и он

заткнулся. Продолжил копаться в сети.

Подростком Петров очень любил историю. Об интернете тогда, в середине восьмидесятых, и не слыхивали, поэтому знания черпались из книг и журналов. Петров тратил большую часть карманных денег на литературу,

перечитал всё, что было в небогатых библиотеках их маленького города, и в итоге годам к семнадцати имел более или менее стойкое представление о случившемся на планете, начиная с четвертого тысячелетия до нашей эры. Был уверен, что после школы поступит на исторический факультет мест-

ного пединститута, станет учителем, несущим детям знание о прошлом...

Поступил, стал с интересом ходить на лекции, писать рефераты и доклады. Звездой первого курса сделался. Но тут навалилось... Сначала Лев Гумилев, следом Виктор Суворов, Бунич, Мурад Аджи, Фоменко с Носовским и еще десятки авторов, пе-

релопачивающих вроде бы давно облагороженную лужайку истории... Петров поглощал новое сначала с жадным интересом, потом с недоумением и в конце концов запутался, отбросил всю эту историю прочь.

Ушел с четвертого курса, попал в армию на полтора года, после нее уехал в Москву и без всякого вузовского диплома стал успешным бизнесменом.

Бизнес, правда, пришлось свернуть в начале нулевых – нескольких партнеров Петрова посадили, еще нескольких разорили, - но кое-какие доходы поступали из прежних вложений тоненькими, как речка Вожа,

но бесперебойными ручейками... История, история... На одном ток-шоу Петров услышал от какого-то

старикана-идеолога: «Истории нет – есть интерпретации прошлого». Старикана тут же заклевали, а Петрову эта формулировка понравилась.

Действительно, в прошлом разобраться невозможно. Не только в древнем, но и в недавнем. Невозможно прийти к более или менее общему

мнению не только по глобальным вопросам, но и по частным.

Раньше, выясняя отношения с женой, Петров старался доказать то-то и то-то, найти причину размолвки, скандала, а в ответ слышал от жены

совсем другие аргументы, другие причины. Казалось, она всё перевора-

чивает с ног на голову, а она была уверена, что с ног на голову переворачивает он, Петров... Житейски помудрев, они, вспылив, просто расходи-

лись в разные комнаты, а через час-другой продолжали жить, словно не имеют друг к другу никаких претензий. Так бы и историкам. Но у них

есть принципы, поиски истины и пресловутой правды, а главное - жела-

ние заработать. Оригинальная версия какого-нибудь известного события,

облеченная в несколько увлекательных книжек, вполне может принести приличные деньги. История – это одна из форм бизнеса, короче...

бирались из Москвы долго и трудно. Не то чтобы мешали пробки или плотное движение, просто город был, казалось, бесконечный... Петров сидел в третьем ряду у левой двери; он был не в духе, помалкивал, чтоб не портить другим настроение, слушал, как Влад Бур-

Выезд назначили на восемь утра, но выехали в десятом часу. Вы-

ковский, до предела упрощая, а порой и неосознанно фальсифицируя, рассказывает детям, а заодно и взрослым, чему посвящен фестиваль, на который они отправились:

 Битва на Воже – первый шаг к освобождению от монголо-татарского ига. В тысяча триста семьдесят восьмом году хан Мамай послал кара-

тельное войско на Русь, слишком вольно она стала себя вести... А навстречу вышла дружина Дмитрия Донского. Русских было в несколько

раз меньше, но Дмитрий Донской применил хитрость - напал, пока монголо-татары, – это словосочетание резало слух Петрова как ножом, – не разобрались в боевые порядки после переправы через Вожу. Почти все

они были перебиты – пятьдесят тысяч, представьте! – а наших погибло

совсем немного... Через два года сам Мамай отправился на Русь, и ему

досталось – на Куликовском поле... Мы туда тоже в свое время рванем.

Постепенно по сторонам дороги стали образовываться меж торговых комплексов, фабрик, заборов, складов свободные пространства,

появлялись рощицы, поля; Москва явно выдыхалась, не дотягивалась своими щупальцами досюда. А потом пошли указатели – «Островцы»,

«Заозерье», «Михайловская Слобода», «Дурниха», «Ивановка»... Петров приоткрыл было окно, чтоб подышать свежим воздухом, но в щель ворвалась горячая струя. Там пекло уже, – проворчал, – как в парилке.

Жена метнула сердитый взгляд, а Влад неунывающе отозвался: - Наши предки в доспехах смогли выстоять, а мы в маечках и бей-

сболках не сумеем, что ли? – И обернулся к детям, сидящим во втором ряду. – М? Сосредоточься на дороге, мой Пересвет, – сказала жена Влада Олеся.

 Я всегда сосредоточен. Не будь самоуверен…

Влад включил радио. Зазвучала ненавязчивая мелодия. Скорей все-

го, «Релакс FM». Или нечто подобное.

Петров смотрел в окно. Лесочки, равнины, деревушки, городочки,

виадуки... Незаметно задремал. В дреме ничего не видел, кроме раз-

ноцветных бликов... Очнулся оттого, что лицо горело – даже сквозь

тонировку пробивались горячие лучи. «Скорей бы осень».

В этом году Петров поддался уговорам жены, детей, и они полетели

на море – под Барселону – в конце июня. Три недели мелькнули и кон-

чились, и снова Москва. Остаток лета мучились... Надо было дотянуть

хотя бы до середины июля, вернуться как раз в эти дни. Пришли в себя за неделю, а там уж подготовка к школе, то, сё... Родители и у Петрова, и у жены Людмилы, которая тоже не москвичка, умерли, с родней связи порвались. На родину так просто не

поедешь, да и что там делать – в Бугуруслане, откуда жена, в Сергаче,

У них был загородный дом. Правда, слишком уж загородный... Лет десять назад Петров сдуру купил участок в семнадцать соток в деревне

Рождествено недалеко от городка Вереи, поставил рядом с избой-завалюхой летний домик. Водопровода в их части деревни не было, ехать было неудобно, дом оказался какой-то неуютный, и бывали там Петровы

чтоб показать – усадьба не брошена, есть хозяин, пригляд. Но все равно подворовывали – то доску оторвут, то аккуратно стекло из рамы вынут. «Состарюсь, – думалось иногда Петрову, – и переселюсь сюда. Доживать». В сорок шесть лет он иногда чувствовал себя совсем развалиной. Хотя вроде ничего не делал...

семьей считанные разы. Самому Петрову приезжать приходилось чаще,

- Та-акс, - голос Влада Бурковского, - где-то здесь должен быть поворот на Глебово... Не этот... – Включи навигатор, – велела Олеся. – Сейчас будем кружить тут. Еще б я навигатором пользовался в родной стране!

С минуту Олеся терпела, а потом начала истерить:

Ну и чего? Где твой поворот? Вла-ад!...

- Сейчас будет! - взвизгнул он; Петров поежился: «Еще их скандал

слушать не хватало».

– Когда?

Поворот действительно оказался «сейчас». Правда, пришлось по-

дождать на трассе, пропуская, по приказу регулировщика, поток машин со стороны Рязани, сворачивающих на узенькую дорогу в сторону

Глебова-Городища. А ведь они все туда, – пробормотал Влад, – на фестиваль...

Наконец регулировщик махнул жезлом: можно и вам.

Олеся расслабилась, выдохнула:

– Извините, что чуть не завелась. Устала просто. Часа три уже едем? Влад не ответил, дети притихли, Людмила копалась в смартфоне.

Пришлось подать голос Петрову: – Где-то так... До места Куликовской битвы, видимо, в сто раз ближе.

-С чего эт? - фыркнул Влад. - Оно в углу Тульской области вообще...

– Есть серьезные причины считать, что битва состоялась под стенами Кремля.

- Так-так, давай-ка без фэнтези. Мы за единый учебник истории.

– Да я тоже, – поспешил сказать Петров. – Но куда от нюансов

деться?

– В печь их! Нечего народу мозги засорять. Главное, что мы – побе-

дили, и это всё, – Влад, не забывая красоваться, оторвал руки от руля и

развел их в стороны, - всё это - наше. Петров посмотрел в одну сторону, в другую. Вспученная холмами,

изрезанная заросшими травой оврагами земля, казалось, глубоко и тяжело спала... Проехали мимо деревеньки под названием Алёшня, и не увидели ни одного жителя. Наверняка они прятались от жары в домах,

но Петрову стало тоскливо. Подмывало поспорить с Владом, нет, даже не поспорить, а противо-

речить его уверенному тону. Сдержался, не стал.

– Люда, вода есть у нас? – спросил.

На, пап, – Никита протянул бутыль с «Кока-колой».

– Нет, воду хочу.

Жена нашла воду в одном из пакетов, которыми обложилась еще в

На, только она теплой стала.

- Ничего.

Когда проезжали деревню Пальные, тоска усилилась до такой степени, что и противоречить расхотелось. Представилась кучка закопчен-

ных человечков - пальных, - пришедших на это место, сколотивших

куда-нибудь дальше. Крошечное, вымирающее племя... Не хотела бы я жить в селе с таким названием, – сказала Олеся. – Да, жутковатое, – ответил Влад, – но и героическое.

неказистые домики, которые тоже вот-вот сгорят, и людишки пойдут

– В каком смысле?

- Раньше специально устраивали пал, чтоб преградить путь монго-

вообще такие названия часто встречаются на востоке и юге... – Богатые у тебя познания, – усмехнулся Петров.

ло-татарам и другим завоевателям. Тут где-то и речка есть – Пальная, и

Что ж, готовился к поездке... А вот мы уже и на месте почти!

Это и так было очевидно по скоплению машин и людей. Причем

многие машины двигались - одни пытались пробиться дальше по су-

зившейся от припаркованных справа и слева автомобилей дороге, дру-

гие ехали им навстречу. Водители сигналили, кричали, пятились...

Люди тоже шли в обе стороны довольно плотными потоками.

- Неужели уже закончилось? - с готовностью забеспокоилась Олеся.

– Сейчас узнаем. Вообще-то по программе до четырех часов

мероприятия... Влад попытался проехать ближе к вероятному месту фестиваля, но вскоре отчаялся – приходилось то и дело сдавать назад, пропуская еду-

щих навстречу, к тому же пешеходы буквально лезли под колеса, – нашел

приемлемую щель меж двух стоящих машин и втиснул туда «Тойоту».

– Двери открываем осторожно, – предупредил, – соседей не царапаем.

Вылезли, скорее надели бейсболки. Заражаясь общей суетой, поспешили к виднеющейся вдали церкви, от которой долетали обрывки уси-

ленной колонками мелодии. Скажите, а там что-нибудь продолжается? – спросил Влад идущего навстречу пузатого мужика с бородой и в майке Супермена.

- Продолжается... Теплового удара боюсь... Нафиг...

-Продолжается! - бодро объявил Влад. - Вперед! - И почти побежал. Его дочка Ариша, дети Петрова, а также Олеся и даже Людмила по-

слушно последовали за ним. Сам же Петров, наоборот, сбавил шаг: бодрость другого мужчины, моложе его, выше ростом, задевала.

Шел медленно, с каждым метром всё сильнее раздражаясь, что приходится идти под солнцем так долго. Мысленно поругивал Влада; само-

му Петрову сейчас казалось – он бы проехал на полкилометра ближе... Глебово-Городище, по крайней мере та улица, по которой двигался народ, оказалось довольно симпатичным селом. Свежевыкрашенные в зеле-

ный, синий, бордовый, сочно-желтый цвета избы, заборы, ворота, колодцы... К колодцам тянулись длиннющие очереди. Увидев первую же, Петров вспомнил, что воду-то из машины не взяли, и ему сразу захотелось пить. Ну ты где? – появилась жена. – Мы тебя потеряли.

Воду забыли… Там купим. Пошли быстрей.

На вершине холма – церковь. Часть белоснежная, недавно отреставрированная, часть - почти руины. Каждый метр тени под стенами занят людьми... Справа от церкви торговые палатки, слева, под крутым

склоном, площадка для выступлений. Там как раз представляли доспехи воинов.

 — ...А сейчас мы видим шелом с полумаской и круговой кольчужной бармицей, - говорил в микрофон ведущий, сам одетый в костюм какого-

то холопа. – Полумаска, конечно, защищала лицо воина, но в то же время затрудняла обзор... Чаще мы можем встретить шелом с наносником...

ют на траву и придется вызывать вертолеты с бригадами реаниматоров. Бурковские и дети уселись на склоне, а Петров с Людмилой пошли погулять по рынку. Подобных им гуляющих были сотни. Бессмысленная толчея. При-

Люди в доспехах ходили тяжело, медленно. Казалось, сейчас попада-

чем лица выражали не радость присутствия на празднике первой большой победы русского оружия над ордынцами, а муку и недоумение:

зачем мы забрались сюда в такую погоду, что делать, куда спрятаться... Лишь ребятишки были, кажется, довольны. Бегали с деревянными и пластмассовыми мечами, луками, арбалетами, булавами... Правда, то и

дело раздавался детский плач... В палатках ничего интересного, особенного не увидели. Сувениры,

- Есть вода простая? - спросил Петров, наткнувшись на палатку с напитками. Вода кончилась. Вот взварчик возьмите. Хорошо жажду утоляет.

Петров глянул состав. – Это типа компота?

 Почти... По древнерусским рецептам. Прохладный, под брезентом держу.

Петров купил две литровые бутылки, выложив за них триста рублей... Попили с женой крепкосладкого взвара на свободном пятачке под

стеной церкви, поглазели на памятник в виде копий и щитов, вернулись к Бурковским. Петров уселся по возможности удобней на крутом склоне и решился сидеть тихо, без комментариев и предложений поехать

отсюда. Что ж, детям, кажется, интересно... После доспехов произошло короткое «массовое сражение по прави-

лам маневров», как значилось в распечатанной Владом программе. В

сражении участвовали человек по пятнадцать с обеих сторон... Петрова все-таки потянуло поиронизировать над «массовостью», но он вовремя

вспомнил, что в каком-то серьезном фильме видел одну из знаменитых средневековых битв англичан с шотландцами, так там сошлись тоже с полсотни мужичар и порубили друг друга. Оставшиеся в живых несколько шотландцев стали махать топорами и кричать, что их победу будут прославлять в веках. Так оно и получилось... Может, такая вот

«массовость» ближе к истине, чем слова летописцев - «рать безмерно

велика была», «несчетно множество их избиша»... По окончании довольно схематичной битвы был концерт фолк-рок группы. Музыканты с непокрытыми головами мужественно пели около часа. Причем фолк и рок в композициях перемежались поистине с математическим постоянством: сначала мощно гремели ударник и басист, затем они

почти смолкали, зато вступали скрипка и дудочка, а после их партии, под перебор акустической гитары, звучал чистый, молодецкий голос вокалиста: За деревней у реки кто с утра уж трудится? Уперев свой взор в огонь, кто сурово хмурится?

> Кто свой трудный день начал с именем Сварога? Кто в почете у людей, под защитой Бога?..

– Сварог, это ведь языческий бог? – когда музыка слегка притихла,

Петров, поморщившись, кивнул. Объяснять, что вообще «Сварог»,

скорее всего, отсебятина переписчика летописи, жившего не раньше

Пока группа исполняла то героические, то лирические песни, на поляне шла установка приспособлений для конных состязаний. Натягивались веревки, втыкались штыри с кольцами; полная женщина принесла и высыпала на траву из мешка кочаны капусты.

пятнадцатого века, желания не было. Существовал у славянских языч-

ников Сварожич, но и с ним не всё ясно...

Конники копьями снимали кольца со штырей, рубили саблями и мечами капусту и яблоки, пытались поднять с земли разбросанные плат-

ки. Те, что скакали быстро, в основном терпели неудачу, зато медлительным, на «манежном галопе», как насмешливо заметил ведущий в

одежде холопа, чаще удавалось выполнить задание... Публика хлопала, одобрительно охала, когда у конников получалось,

порой раздавались смешки. Особенно потешен был единственный участник в доспехах ордынца. В седле он держался нетвердо, никак не мог справиться ни с копьем, ни с саблей. Смешило и его имя – «темник Котий».

– Если все монголо-татары были такими, – заметил Влад, – то ничего удивительного, что в Воже перетонули.

– Любимый, не критикуй, – пошлепала его по ноге жена. – Ты бы ни одного кольца не снял. Так я и не берусь…

Победил в итоге наездник из медлительных. Когда ведущий объявил, что ему шестьдесят пять лет, посвистывания сменились на вполне

искренние аплодисменты. А потом народ потянулся вверх по склону, к дороге. Фестивальные

мероприятия закончились. Теперь Петров шел впереди Бурковских, жены и детей. Страшно хо-

телось пить, сухость во рту сделалась после взвара особенно противной – кисло-горькой, с привкусом забродившего яблока. Возле первого от церкви колодца толпилось не меньше сотни людей.

Впереди было еще два. Но у второго отсутствовало ведро. Спецом местные сняли. Сволочи, – говорили подходившие к колодцу. Петров прибавил шагу, намереваясь обогнать основную массу тех,

кто возвращался к машинам. Размечтался – а что еще оставалось? – о бутылке холодной воды, о том, как дома ляжет в прохладную ванну... И тут в спину ткнули. Не больно, но остро, словно пальцем. Решив, что это сын догнал и решил пошалить, Петров сделал серди-

тое лицо и резко обернулся. Вместо Никиты шагах в пяти стоял пацаненок лет восьми с арбалетом в руках. Так же сердито смотрел на Петрова.

– Ой, вы извините! Извините, пожалуйста! – стала плаксиво тараторить пожилая женщина, видимо, его бабка. – Устал, вот и вытворяет...

Нельзя так, Гордей!

Понимая, что разборки отдаляют его от воды, Петров пошагал дальше.

- Подбери стрелу-то! - раздался совсем уже не плаксивый голос

пожилой. К колодцу тянулась вереница примерно из десяти человек. Вода

явно была... Петров почти подбежал, встал в очередь. - Сашка! - крикнул щупленький полутораметровый мужичок в

выгоревшей до бесцветности рубахе, наполняя бутылку. – Неси еще, кончается!

Петров увидел на бортике колодца ведро с цепью. Оно было на треть полно беловатой жидкостью.

- А что с этой? - спросил он стоящего впереди парня. – Да кончилась, видно. – Хм, а я думал, это у Толстого гипербола... Чё? – парень насторожился. – У Льва Толстого в романе «Война и мир» есть такое: «Солдаты выпивали воду в колодцах до грязи». Я думал, он преувеличил – оказывается, действительно бывает. – М-м – Сашка, да где ты там?! Мужичок был слишком деятельный, вошел, как говорится, в раж. «Может, пьяный?» Да нет, на пьяного не был похож... «Перегрелся на солнце».

Здоровенный, голый по пояс, лет тридцати пяти Сашка принес воду.

Мужичок сунул ему пустое ведро: – Еще тащи. Людей вон сколько. Пить хотят. Давай, давай!

Сашка, видимо, был сыном этого полутораметрового. Без споров, хотя и без радости, побрел вглубь улицы. Наверное, у них был свой

колодец во дворе, или скважина пробита...

Подошла очередь Петрова наполнять бутылку. - Холодненькая, - приговаривал мужичок, - пейте на здоровье...

 Спасибо. Петрову захотелось отблагодарить его. Достал деньги, быстро вы-

брал две сотки, протянул. – Да ты чего? – мужичок отшатнулся. – Чтоб я за воду деньги брал?!

Бери свою баклажку и мотай отсюдова.

Петрова обожгло это «мотай»:

– А вы что хамите? Я от чистого сердца хотел... – От сердца... Грязное оно, значит – деньги за воду совать... Отходи,

не задерживай, людей еще сколько вон ...

– Что случилось? – подбежал Влад. – Что у вас тут?

– Забирай приятеля, а то я его, – расходился мужичок. – Обидел он

меня... Деньги за воду... – Действительно, пустите к ведру, – заговорили за спиной Петрова. –

Что там? – еще дальше, – он все бутыли, что ль, набирает себе?! – Ладно, как хочешь, – дернул головой Петров, сунул сотки обратно

в карман. - Пойдем, Влад, от этого солнцем ударенного. Мужичок то ли не услышал эпитета, то ли сделал вид, что не услы-

шал. Осторожно наливал воду из ведра в маленькое отверстие жестяной банки из-под «Спрайта».

Петров широко, решительно как-то зашагал в сторону машины, еще не понимая, что об этом случае он будет вспоминать очень часто.